

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ*

Головашина Оксана Владимировна,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доцент кафедры философии и методологии науки,
кандидат исторических наук,
Тамбов, Россия,
ORCID: 0000-0002-9911-175X,
E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2020, принята к публикации 11.08.2020

Для цитирования: Головашина О.В. Репрезентация Великой Отечественной войны в сетевых сообществах // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10302

Аннотация

Статья посвящена особенностям образа Великой Отечественной войны в интернет-сообществах. На первом этапе работы автор предлагает дефиницию сетевых сообществ, рассматривает их характерные признаки и отличия от социальных сетей, затем, на основе полученных выводов, анализирует, как особенности сетевой коммуникации определяют репрезентацию Великой Отечественной войны. Этот анализ позволяет автору сделать некоторые выводы о перспективах появления новых версий прошлого, способных конкурировать с государственной политикой памяти, а также о динамике коммуникативной и культурной памяти и возможности digital network memory в России. При анализе высказываний в сетевых сообществах использовались теория речевых актов Дж. Остина и концепция различения текстов по линии «информативность–предсказуемость» Ю.М. Лотмана в трактовке Ю. Меламед. Источниками для статьи послужили сайты движений «Бессмертный

* Статья выполнена в рамках проекта № 18-011-00658 Российского фонда фундаментальных исследований.

© Головашина О.В., 2020

полк» и «Бессмертный полк России», а также интернет-страницы четырех региональных отделений этих движений. Анализ источников с опорой на полученные ранее теоретические выводы позволил прийти к следующим результатам: 1. Интернет-сообщества часто вместо образа Великой Отечественной войны используют образ Победы, что соответствует содержанию официальной политики памяти. 2. Для большинства современных россиян основным языком описания событий Великой Отечественной войны продолжает оставаться дискурс советской пропаганды, транслирующий ранее сложившийся образ Победы. 3. Переход к дискурсу культурной памяти применительно к образу Великой Отечественной войны осложняется распространением официального дискурса даже в личных воспоминаниях и отсутствием экспертов, которых сообщество признает носителями культурной памяти. 4. Автор считает, что применение технологий digital network memory может в итоге породить альтернативные версии официальной политике памяти (в качестве контрпамяти по Фуко). Однако в исследуемых сетевых сообществах они, скорее всего, будут использоваться официальными акторами в своих целях.

Ключевые слова:

День Победы, Великая Отечественная война, коммуникативная память, культурная память, digital network memory, сетевые сообщества.

UDC 130.12

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10302

REPRESENTATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN ONLINE COMMUNITIES

Golovashina Oksana Vladimirovna,

Derzhavin Tambov State University,
Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science,
Candidate of Historical Sciences,
Tambov, Russia,
ORCID: 0000-0002-9911-175X,
E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Article received on April 27, 2020, accepted on August 11, 2020

To cite this article: Golovashina O.V. (2020). Reprzentacija Velikoj Otechestvennoj vojny v setevyh soobshhestvah [Representation of the Great Patriotic War in online communities]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 26–39. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10302

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the image of the great Patriotic war in Internet communities. At the first stage of the work, the author offers a definition of network communities and considers their characteristic features and differences from social networks. Then, based on the obtained conclusions, the author analyzes how the features of network communication determine the representation of the Great Patriotic war. This analysis allows the author to draw some conclusions about the prospects for the emergence of new versions of the past that can compete with the state policy of memory, as well as about the dynamics of communicative and cultural memory, and about the possibility of digital network memory in Russia. In the analysis of statements in online communities, they used the theory of speech acts by D. Austin and the conception of the texts distinction according to the line “informationality – predictability”, taken from Y.M. Lotman in the interpretation of Y. Melamed. The sources for this article are the websites of the «Immortal regiment» and «Immortal regiment of Russia» movements, and also the pages of four regional branches of these movements. Analysis of sources based on previously obtained theoretical conclusions allowed us to come to the following results: 1. In Internet-communities often instead of the image of the Great Patriotic war the image of Victory is used that corresponds to the content of the official memory policy. 2. For most modern Russians, the main language for describing the events of the great Patriotic war continues to be the discourse of Soviet propaganda, which translates the previously formed image of Victory. 3. the Transition to the discourse of cultural memory in relation to the image of the great Patriotic war is complicated by the spread of official discourse, even in personal memories, and the absence of experts who are recognized by the community as carriers of cultural memory. 4. The author believes that the use of digital network memory`s technologies may eventually give rise to alternative versions of the official memory policy (as a counter-memory by Foucault). However in the network communities studied they are more likely to be used by official actors for their own purposes.

Keywords:

Victory day, the Great Patriotic war, communicative memory, cultural memory, digital network memory, network communities.

Введение

Память о Великой Отечественной войне оказывается наиболее значительной составляющей поля культурной памяти современного россиянина. Это произошло не только из-за особого места событий 1941–1945 гг. в семейной истории россиян («Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»), но и вследствие государственной политики памяти, построенной, во многом, вокруг образа народа-победителя. Однако распространение различных медиа, не подконтрольных государству, может привести к появлению новых версий прошлого, способных конкурировать и/или противостоять официальным трактовкам. В предлагаемой статье мы рассмотрим дефиницию сетевых сообществ и отличительные особенности сетевой коммуникации. Затем, на основе получен-

ных выводов, проанализируем, как сложившийся дискурс и коммуникативные практики определяют образ Великой Отечественной войны в некоторых сетевых сообществах, а также, что нам может сказать этот образ о культурной памяти, ее возможной динамике и последствиях.

Источниками для работы послужили сайты «Бессмертный полк» (<https://www.moypolk.ru>) и «Бессмертный полк России» (<https://www.polkrf.ru>), соответствующие сообщества в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/moypolk>; <https://vk.com/polkrussia>). Данные сообщества были выбраны, так как: 1) соответствуют нашей дефиниции сетевого сообщества; 2) тематика сообществ, посвященная Великой Отечественной войне, позволяет внести вклад в исследование корреляции государственной политики памяти и семейной памяти. Также были проанализированы сообщества региональных отделений движений «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» в гг. Тамбов, Саратов, Казань, Уфа. Региональные отделения представляли оба движения («Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России»). Выбор региональных сообществ был обусловлен необходимостью узнать, существует ли региональная специфика, связанная с этническими и географическими особенностями. При цитате комментариев или постов сохраняется авторская автография и пунктуация.

Проблемы дефиниции сетевого сообщества

Дефиниция сетевого сообщества предполагает проведение различия социальных сетей и сетевых сообществ. Как правило, под социальными сетями имеются в виду определенные сообщества людей, связанных чем-то общим (интересы, работа, семья и т. д.), что выступает в качестве фундамента для различных форм коммуникации между ними. То есть социальные сети представляют собой социальные объекты, между которыми существуют какие-либо отношения. Если опираться на это определение, то необходимо признать, что социальные сети в определенной их форме существовали всегда. Каждый человек является частью сети родственников, коллег, друзей, соседей и т. д. Такая трактовка социальных сетей опирается на работы Г. Зиммеля (Зиммель, 1996), К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 2001), Дж. Морено (Морено, 2004), Н. Лумана (Луман, 2007) и др. По мнению различных современных теоретиков, социальные сети трактуются как надстройки над объективной реальностью (Зейналов, Макеев, 2015), как агент социализации (Селезнев, Скрипак, 2013), поскольку современный человек интегрируется преимущественно через сетевые структуры, ресурсы для карьерного и социального роста (Верченев и др., 2013) и др. В большинстве работ социальные сети отождествляются с существующими сообществами в сети Интернет, что нам представляется не очень корректным. Современные исследователи говорят о сетевой культуре как культуре общения, а также акцентируют внимание на специфике трансляции информации и коммуникации в сети Интернет. Мы считаем, что сетевые сообщества являются одним из видов социальных сетей и представляют собой перенос в онлайн-среду, а также визуализацию существующих офлайн взаимоотношений. Однако если офлайн социальные сети предполагают пространственную близость своих членов, то сетевые сообщества могут объединять людей, которые принадлежат к разным социальным группам, находятся на значительном расстоянии друг от друга (или никогда друг друга

не видят), но при этом между ними присутствует какая-либо связь (например, по интересам, участие в каком-либо проекте и т.д.). Наиболее близким к нашей трактовке сетевых сообществ можно назвать построенное на теоретико-методологических основаниях идей М. Кастельса определение А. Назарчука, который обозначил интернет-сообщества как «сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» (Назарчук, 2008, с. 62). Обозначенную Назарчуком связь идентичности и коммуникации позволяет прояснить теория речевых актов Джона Остина. Автор, рассматривая типы высказываний, выделяет, помимо констатирующих, которые только описывают мир («Эта роза – красная»), перформативные высказывания, создающие его (Остин, 1999, с. 17). Мы предполагаем, что высказывания внутри сообщества могут быть связаны не только с передачей информации, но и быть направлены на формирование и, в дальнейшем (для новых членов, особенно), поддержание сетевой идентичности, например: «Мы – правнуки Победы». Такими высказываниями могут оказаться и довольно нейтральные в другом контексте сообщения: «Помним!», «Вечная память героям», которые в виде комментария к посту выступают в качестве перформативного. Соответствующим образом мы можем трактовать не только предложение, текст, но и любое коммуникативное действие: пойти с портретом родственника в колонне «Бессмертного полка», сфотографироваться в форме военных лет и разместить эту фотографию на странице сообщества, повязать георгиевскую ленточку и т.д. Для авторов перформативных сообщений «сказать» оказывается важнее, чем быть услышанным, так как в качестве важного выступает само высказывание, а не процесс общения и/или обмена информацией.

В отличие от социальных сетей вообще, сетевые сообщества предоставляют больше возможностей именно для коммуникации. В отличие от общения, коммуникация не имеет каких-либо целей, кроме самой коммуникации, то есть значение имеет не содержание, обмен информации и т.д., а сам контакт (Аронсон, 2007). Коммуникация, таким образом, выступает в качестве одной из основных целей функционирования сетевого сообщества и обеспечивает его устойчивость. Однако существует определенная специфика коммуникации, которая, на наш взгляд, связана с сетевым устройством исследуемых сообществ. Для ее прояснения Ю. Меламед обратилась к теории Ю.М. Лотмана, утверждавшего, что содержание любого текста можно различить по линии «информативность-предсказуемость» (Меламед, 2012). Предсказуемые тексты содержат много клише, автоматизмов, поэтому их содержание легко предсказать. Информативные тексты направлены на то, чтобы сообщить читателю какую-либо новую информацию. Чем более предсказуем текст, тем менее он информативен, однако, как заметил Лотман, «только элементы, поставленные в определенные предсказываемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем» (Меламед, 2012, с. 16). Исходя из этого различения, Ю. Меламед проанализировала посты в социальной сети «Фейсбук» и показала, что тексты «Фейсбука» стремятся в большинстве своем к абсолютной предсказуемости, потому что они направлены не на то, чтобы познакомить подписчиков с какой-либо информацией, а, прежде всего, для коммуникации, предсказуемость сообщений в процессе которой оказывается более ценной, чем информационная

составляющая. То есть сетевую коммуникацию нельзя отождествлять с «живым» общением, для такой коммуникации основное значение имеет сам акт коммуникации, контакта, а не информация, которая может передаваться в процессе этой коммуникации. К такой коммуникации мы будем относить не только обмен текстовыми комментариями, но и позитивные отметки («лайки»), использование стикеров, тематических картинок в виде комментариев и так далее. Какой-либо ресурс в сети Интернет может быть информационным (информативным), но о сетевом сообществе можно говорить только при наличии коммуникации. Именно через стремление человека к коммуникации сетевые сообщества удерживают человека максимально продолжительное время, предоставляя ему весь спектр возможностей внутри сети.

Построенные по такому принципу сетевые сообщества выступают в качестве одной из причин появления понятия «digital network memory». Это – введенная Эндрю Хоскинсом категория, при помощи которой британский исследователь обращает внимание на особенности проявления частной памяти в условиях роста цифровизации (Hoskins, 2009). В отличие от ситуации печатного капитализма, или СМИ XX века, в ситуации «digital network memory» любой контент оказывается под воздействием огромного количества разнообразных акторов, среди которых, как правило, отсутствует выраженная иерархия. Поэтому невозможно говорить о каком-либо коллективном образе прошлого вообще, а только о мозаике практик, моделей, результаты которых меняются в зависимости от участия различных акторов. То есть «digital network memory» может противостоять государственной политике памяти, но также и использоваться официальными акторами в своих целях.

Особенности коммуникативных практик в сетевых сообществах

«Бессмертный полк» – это «летопись поколения Победителей», заявляют организаторы движения на своем сайте, позиционируя сообщество как возможность собрать личные истории, которые хранит семейная память россиян. «Из миллионов индивидуальных воспоминаний рождается объективная историческая коллективная память, носителем которой является Бессмертный полк России» (Бессмертный полк России. О движении, без даты). Но эта цель оказывается не полностью достижима. Проблема не в количестве опубликованных на сайте историй, а в том, что у людей, присылающих «истории солдат», практически нет другого языка описания, чем созданный советской пропагандой официальный дискурс о войне. Поэтому довольно распространенными оказываются такие фразы, как «прошел всю войну, дошел до Берлина и расписался на стене поверженного Рейхстага», «в неравном бою с численно превосходящими силами» и т. д. Конечно, этот дискурс характерен не для всех опубликованных историй. Большинство из них содержит краткое описание биографии: родился, учился, служил в таких-то годах, вернулся, работал. Но такие описания больше напоминают запись из хроники, чем воспоминания о родственнике.

Однако несмотря на то, что истории, опубликованные на сайте, в социальных сетях, как правило, лишены эмоций, именно вокруг эмоциональной составляющей строятся коммуникации внутри сетевых сообществ. Краткое содержание биографии ветерана важно не столько в информационном плане,

сколько в качестве способа объявить о своей принадлежности к сообществу через «лайк», разного рода комментарии («Вечная Память! Вечная Слава!», «Низкий поклон до земли за победу, за счастливую жизнь»), а также через стихи на тему войны, картинки с изображением георгиевской ленты, свечей памяти, гвоздик и т. д.). Основное взаимодействие внутри сообщества строится вокруг памяти о подвиге поколения победителей и стремления показать сопричастность данной общей памяти, представление о которой культивируется сообществом. Типичным высказыванием к посту об освобождении Крыма является «Мой дед тоже сражался за Крым». Если в сообщении речь идёт о солдате, который пропал без вести, то обычно оно комментируется высказыванием типа «Мой прадед тоже пропал без вести». Сообщество в социальной сети «ВКонтакте» движения «Бессмертный полк России» разделяет рубрики «герои подписчиков» и сообщения, опубликованные от имени сообщества. Как правило, наибольшее количество «лайков» и комментариев вызывают посты, в которых люди описывают семейные истории, сопровождаемые какими-либо личными комментариями. Комментаторы обычно не касаются содержания поста, но эмоциональный заряд, заложенный в сообщении, вызывает отклик и приводит к продолжению коммуникации.

Основные переживания – это призыв к гордости за подвиги предков. В историях, опубликованных школьниками, как правило, констатируется гордость (кроме распространенного «Я помню, я горжусь» или «Я горжусь моими прадедушками!» встречаются и более развернутые высказывания, например: «Я горжусь подвигами моих прадедушек. Спасибо им за Победу! Мы будем вечно благодарны за то, что вы подарили мне, моим братьям, родным и друзьям возможность радоваться счастливой и мирной жизни» (Гинатуллин Ибниамин Гинатуллоевич, 2014), «Я бесконечно благодарна ему за мирное небо над головой и наше будущее. Вся моя семья очень гордится нашим героем. Вечная память всем героям Великой Отечественной войны!» (Просолов Михаил Михайлович, 2018)). В постах, созданных от имени детей и внуков победителей, обычно меньше эмоций, чем в сообщениях, сделанных на общих сайтах сообщества. Причем гордость за предков оказывается более конституирующей, чем сам факт принадлежности к Победе через родственника, потомком которого ты являешься. При этом гордиться можно (и нужно!) не только ветераном-героем, но и бабушкой, отцом, работавшими на заводе в тылу, дедом, попавшим в концлагерь. На все сообщения с вопросом, а можно ли понести портрет человека, который не был на фронте, но относился бы к «поколению победителей» (портрет труженика тыла, узника концлагеря, блокадника, ребенка войны), организаторы отвечают одинаково: «Конечно, можно! Не только можно, но и нужно... Берите фотографию или транспарант и приходите на построение» (Бессмертный полк. Вопросы, без даты). Гордость становится перформативной, так как спланирует не только сетевое сообщество «Бессмертный полк», но и формирует сообщество потомков Победителей, которые помнят о подвигах своих предков и гордятся ими. Между «помнить» и «гордиться» в исследуемых сетевых сообществах выстраивается тождество: если «я помню», то «я горжусь». Следствием этой культивируемой гордости оказывается стремление соответствовать памяти предков.

Соответствовать подвигу поколения победителей означает вести поиск пропавших родственников, хранить память о них, сообщать об этом (уже упоминае-

мая нами перформативность), бороться с альтернативными трактовками истории Великой Отечественной войны, показать готовность пройти с портретом, несмотря на официальный перенос шествия. Вот характерные интернет-высказывания, подчеркивающие принципиальную важность открытого проявления своей коммеморативно-ценностной ориентации, несмотря на неблагоприятные для этого условия: «В сакральном деле нельзя идти на уступки. Сколько тех, кто возмутился, когда на Украине георгиевские ленточки срывали? Почему? А можно было нацепить красный мак и отметить 8 мая, как европейцы. Больные пусть сидят дома, а здоровым сдаваться нельзя!»; «Я уверен, что это Американцы специально пустили вирус, чтобы, мы, патриоты своей страны, не смогли провести парад победы и пройти по всей стране в Бессмертном полку. И пусть запад знает, что если надо, то повторим» (Бессмертный полк России, 2020); «Нельзя не идти 9 Мая. Иначе это – капитуляция» (Бессмертный полк, 2020).

Отношение к подвигу поколения победителей, постоянно транслируемому участниками сообществ через коммуникативные практики, выступает в качестве идентификационного маркера, позволяющего провести различие «своих» и «чужих».

Война и Победа

Описываемая М. Фуко борьба между библейской и римской версией прошлого как историей сообществ и политической историей (Фуко, 2005) развивается не только на страницах академических журналов и университетских кафедр, но и в сообщениях на городских форумах, выступлениях на митингах, демонстрациях. Как бы парадоксально это ни прозвучало, учитывая многочисленные «Никто не забыт, ничто не забыто», приходится констатировать: чем больше памятников, тем меньше остается памяти.

Изначально посыл, лежащий в основе гражданской инициативы «Бессмертный полк», был довольно критическим. Противопоставление личных историй и личных воспоминаний государственной стратегии коммеморации, в которой не было место отдельному человеку, можно рассматривать как одну из причин популярности движения. Но в современном воплощении личные истории все чаще теряются за образом народа-победителя. По мнению уже упоминавшегося нами Э. Хоскинса, особенность деинституционализированных архивов (вариант которых представляют исследуемые сетевые сообщества) состоит в том, что они одновременно выступают проявлением личного, приватного и публичного.

Сетевые сообщества могли бы выступить в качестве образца контрпамяти, допускающего возможность альтернативных интерпретаций. Описывая цели движения, организаторы отмечают, что суть «Бессмертного полка» в том, чтобы ветераны оставались центром семейной истории, то есть внимание акцентировалось именно на личных (неофициальных) трактовках. Народная война, по мнению организаторов гражданской инициативы, нуждается в народной летописи. Авторы сообщений в сетевых сообществах действительно стараются опираться на семейную память, но дискурс большинства сообщений (о чем мы писали выше) заставляет усомниться в том, что поставленные цели вполне достижимы. Участники противопоставляют личные свидетельства («бабушка рассказывала»)

официальной истории (той, которая «была написана в 90-е по заказу Сороса»), но в большинстве случаев сами их посты с отсылками к воспоминанию деда, бабушки и т. д. представляют собой не контрпамять, а иллюстрацию официальной истории.

Эта особенность сетевых сообществ придает определенную специфику процессу перехода от коммуникативной памяти к культурной применительно к образу Великой Отечественной войны. Я. Ассман обратила внимание на то, что коммуникативная и культурная память отличаются агентами: если о коммуникативной памяти говорить могут все («в этой неформальной традиции не существует специалистов и экспертов, хотя отдельные люди могут помнить больше и лучше, чем остальные» (Ассман, 2004, с. 56)), то агентом культурной памяти оказывается экспертное сообщество профессионалов, которое транслирует относительно стабильные образы и смыслы. Ассман отмечает, что коммуникативная память, то есть «воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» (Ассман, 2004, с. 54), переходит в культурную приблизительно через 70 лет, когда носителей коммуникативной памяти не остается.

О формировании относительно стабильного образа Великой Отечественной войны можно было говорить, начиная с 1970-х гг. XX века, когда распространяется государственная трактовка Победы, транслируемая не только через официальные каналы (СМИ, образование), но и через рассказы ветеранов в школах, сочинения и рисунки детей и т. д. Носители личной памяти о событиях 1941–1945 гг., как замечают члены их семей, в том числе в публикуемых на сайтах движения историях, обычно не рассказывали о войне даже за семейным столом, поэтому личная память стала теряться еще тогда. Поиски родственников через социальные сообщества и интернет-ресурсы («Подвиг народа», «Память народа», «Мемориал») во многом способствуют решению идентификационных задач, однако скорее выступают показателем потери прочной коммуникативной памяти.

Анализ дискурса участников сетевых сообществ свидетельствует о частом использовании языковых конструкций, характерных для официальной историографии Великой Отечественной войны. Причем подобный дискурс перешел в посты внуков и правнуков из рассказов ветеранов в школах, которые слышали их родители, «воспоминаний», которые транслировали СМИ и т. д. Таким образом, наличие живых свидетелей и носителей памяти еще не является показателем сохранения коммуникативной памяти, так как носители оказываются трансляторами и агентами определенных идеологических конструкций, а не собственных воспоминаний.

Однако говорить о том, что коммуникативной памяти о Великой Отечественной войне не осталось, будет большим преувеличением. Применительно к образу Великой Отечественной войны, порой, сложно найти экспертов, которые должны выступать носителями культурной памяти. В то же время официальный образ Великой Отечественной войны транслирует государство, причем не только транслирует, но и защищает его от возможных альтернативных прочтений при помощи коммеморативных законов.

Анализ материалов сетевых сообществ, связанных с реализацией проекта «Бессмертный полк», показывает, что их авторы относятся весьма критично как к позиции профессиональных экспертов (историков), так и к официальному нарративу о Великой Отечественной войне. Как отметил один из авторов проекта

«Бессмертный полк» Сергей Колотовкин, чаще всего в регионах деятельность подразделений курируют журналисты и школьные учителя (Бессмертный полк, 2020). Они же довольно часто становятся авторами публикаций о ветеранах на сайтах. Однако было бы неверным утверждать, что именно журналисты и школьные учителя (не обязательно историки) оказываются основными носителями знаний о Великой Отечественной войне.

Казалось бы, что само сетевое устройство и акцент на личную (семейную) память участников сообщества должны показывать, что в отношении исторической памяти официальное экспертное знание – не главное. Представления его участников, их образы прошлого, построенные на памяти деда, бабушки, прадеда, вполне могли бы трактоваться как более объективные, чем официальная история. Однако на деле оказывается, что образ Великой Отечественной войны в сетевых сообществах во многом повторяет официальную версию.

Отметим, что предлагаемое организаторами движения обращение «однополчане» не прижилось среди участников сообщества, скорее всего из-за того, что предлагаемые коннотации, связанные с войной, не устраивают его участников. Возможно, государство старается максимально экспансировать идею «Бессмертного полка» именно потому, что сформированные движением смыслы вполне соответствуют официальной версии прошлого. Эту задачу приходится признать практически решенной. Мы предполагали, что «Бессмертный полк России» будет более ориентирован на трансляцию официальной точки зрения, однако, кроме наличия некоторых политических новостей, образ Победы, формируемый этим сообществом, не отличается от предлагаемого «Бессмертным полком». Региональные отделения предлагают ссылки на оба движения (Саратов), используя слоган одного для продвижения другого, поскольку не всегда понимают разницу между ними.

Анализ контента страниц региональных отделений сообществ «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» практически не позволяет говорить о какой-либо локальной специфике, связанной с этническими или географическими особенностями. В основном посты в региональных сообществах представляют собой перепосты с основного ресурса, а также с ряда других тематических ресурсов: «Великая Отечественная война» (https://vk.com/father_war), «Вежливые Люди. Армия» (<https://vk.com/vegchelru>), «Советская История» (<https://vk.com/soviet.history>) и др., а материалы, посвященные местным героям, участникам войны или событиям, не вызывают более активной реакции, чем эти перепосты. Участники готовы активно включаться в решение организационных вопросов (маршрут следования шествия, места, где можно сделать транспаранты), но не готовы работать над производством местного контента. В комментариях к сообщениям на страницах региональных отделений часто ещё больше политики, чем в федеральных сообществах, но это, скорее всего, связано с особенностями модерации.

Война и травма

Если память о войне является для нас травмой, то можно ли рассматривать сетевые сообщества как одну из стратегий детравматизации? Если да, то какие предлагаются данной стратегией модели?

Представление о культурной травме многими теоретиками признается в качестве метафоры, а не реального психологического/психического феномена (Сыров, 2019). Поэтому при ответе на поставленный вопрос мы должны исходить не столько из способа передачи травмы, сколько обращать внимание на трансляцию практик, вызывающих травматизацию. В этой связи акцент на Победу вместо памяти о войне самой по себе можно трактовать как способ переключить внимание с травмы войны на Победу как возможность детравматизации. Культивируемая участниками сообществ, вслед за государственной интерпретацией образа Победы, гордость за подвиги дедов и прадедов также способствует замещению травмы Победой. «Бессмертный полк» как сетевое сообщество и общественное движение оказывается способом воспроизведения позитивного опыта, способствующего вытеснению травматических воспоминаний. Повторение как ритуал, в соответствии с представлениями психоаналитиков, становится частью бессознательного, которое не ощущает влияния новых событий (Юнг, 1998).

Второй момент связан с коммуникацией в рамках сетевых сообществ. Вербализация горя и утраты способствует преодолению травматических воспоминаний. В этой связи интересно, что с подобными сообщениями выступают, как правило, представители «детей» ветеранов, а не внуки и правнуки. Проблемой оказывается то, что Великая Отечественная война не признается в России в качестве травмы, соответственно, существующие практики не могут быть напрямую направлены на детравматизацию. Перечисление событий биографии деда, как и описание его подвигов в дискурсе советской публицистики, не способствуют детравматизации, а другого языка описания для этих событий еще не было выработано.

Заключение

Анализ сайтов и страниц в социальных сетях с опорой на выбранную методологию позволил прийти к следующим выводам:

1. Вместо образа Великой Отечественной войны в исследуемых сообществах используется образ Победы. Это соответствует стратегиям государственной политики памяти, однако в условиях сетевого сообщества может трактоваться как один из способов детравматизации.

2. Несмотря на попытку создания деинституционализированных архивов, дискурс, при помощи которого авторы сообщений рассказывают семейные истории, повторяет дискурс советской пропаганды, поэтому вместо семейной памяти транслируется сложившийся образ Победы.

3. Этот фактор, а также отсутствие в рамках сообществ признанных экспертов как носителей принимаемой большинством версии прошлого, делает довольно специфичным переход от коммуникативной памяти к культурной приуроченности к образу Великой Отечественной войны. Возможно, само сетевое устройство исследуемых сообществ препятствует данному переходу.

4. Анализ содержания страниц региональных отделений движений «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» показал отсутствие локальной специфики трансляции памяти о событиях 1941–1945 гг.

Итак, вместо «летописи поколения Победителей», мы, в большинстве случаев, имеем дело с иллюстрацией официальной версии образа Великой Отечественной войны. Государство стремится распространить свою экспансию на изначальную народную инициативу, потому что транслируемые в рамках «Бессмертного полка» образы вполне соответствуют его официальной версии прошлого.

Список литературы

1. Аронсон, О.В. (2007). *Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия)*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
3. *Бессмертный полк* (2020, 8 апреля). Взято 25 апреля 2020, с https://vk.com/moypolk?w=wall-46663479_51338
4. *Бессмертный полк. Вопросы* (без даты). Взято 20 апреля 2020, с https://vk.com/topic-46663479_34934906
5. *Бессмертный полк России* (2020, 16 апреля). Взято 23 апреля с https://vk.com/polk_russia?w=wall-99626804_207320
6. *Бессмертный полк России. О движении* (без даты). Взято 25 апреля 2020, с <https://www.polkrf.ru/about/>
7. Верченков, Л.Н., Ефременко, Д.В., Тищенко, В.И. (Ред.). (2013). *Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества*. М.: ИНИОН РАН.
8. *Гинатуллин Ибниамин Гинатулович* (2014, 23 апреля). Взято 25 апреля 2020, с <https://www.moypolk.ru/soldier/ginatullin-ibniamin-ginatullovlvich-1>
9. Зиммель, Г. (1996). *Избранное: в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни*. М.: Юристъ.
10. Леви-Стросс, К. (2001). *Структурная антропология*. М.: ЭКСМО-Пресс.
11. Луман, Н. (2007). *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука.
12. Макеев, С.Н., Зейналов, Г.Г., Макеев, А.Н. (2015). Общение в социальных сетях как философская проблема. *Russian Journal of Education and Psychology*, 8(52), 108–112. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-8>
13. Меламед, Ю. (2012). Перепостили – следовательно, существую. Что такое текст в Фейсбуке. *Логос*, 2, 10–18.
14. Морено, Я.Л. (2004). *Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе*. М.: Академический Проект.
15. Назарчук, А.В. (2008). Сетевое общество и его философское осмысление. *Вопросы философии*, 7, 61–75.
16. Остин, Д. (1999). *Избранное: как производить действие при помощи слов*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.
17. *Просолов Михаил Михайлович* (2018, 29 марта). Взято 23 апреля 2020, с <https://www.moypolk.ru/klin/soldiers/prosolov-mihail-mihaylovich>

18. Селезнев, Р.С., Скрипак, Е.И. (2013). Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(54), 125–131.

19. Сыров, В.Н. (2019). Культурная травма и сетевое сообщество: методологические соображения. *Вестник Томского государственного университета*, 446, 76–82. doi: 10.17223/15617793/446/10

20. Фуко, М. (2005). «Нужно защищать общество». *Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука.

21. Юнг, К.Г. (1998). *Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации*. М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер».

22. Hoskins, A. (2009). *Digital network memory. Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* (pp. 91–108). Berlin; New York: Walter de Gruyter.

References

1. Aronson, O. V. (2007). *Kommunikativnyj obraz (Kino. Literatura. Filosofija)* [Communicative image (Cinema. Literature. Philosophy)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Assman, Ja. (2004). *Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in high ancient cultures]. М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

3. *Bessmertnyj polk* [Immortal regiment]. (2020, April 8). Retrieved April 25, 2020, from https://vk.com/moypolk?w=wall-46663479_51338

4. *Bessmertnyj polk Rossii* [Immortal regiment of Russia]. (2020, April 16). Retrieved April 23, 2020, from https://vk.com/polk_russia?w=wall-99626804_207320

5. *Bessmertnyj polk Rossii. O dvizhenii* [Immortal regiment of Russia. About]. (n. d.). Retrieved April 25, 2020, from <https://www.polkrf.ru/about/>

6. *Bessmertnyj polk. Voprosy* [Immortal regiment. Questions]. (n. d.). Retrieved April 20, 2020, from https://vk.com/topic-46663479_34934906

7. Фуко, М. (2005). «Нужно зашишать общество». *Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году* [“We need to protect society”]. СПб.: Наука.

8. *Ginatullin Ibniamin Ginatullovič* (2014, April 23). Retrieved April 25, 2020, from <https://www.moypolk.ru/soldier/ginatullin-ibniamin-ginatullovič-1>

9. Hoskins, A. (2009). *Digital network memory. Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* (pp. 91–108). Berlin; New York: Walter de Gruyter.

10. Jung, K. G. (1998). *Tjevistokskie lekcii. Issledovanie processa individuacii* [The Tavistock lectures. Study of the process of individuation]. М.: «Refl-buk», Киев: «Vakler».

11. Levi-Stross, K. (2001). *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. М.: JeKSMO-Press.

12. Luman, N. (2007). *Social'nye sistemy. Oчерk obshej teorii* [Social system. Outline of the General theory]. СПб.: Наука.

13. Makeev, S.N., Zejnalov, G.G., & Makeev, A.N. (2015). Obshhenie v social'nyh setjah kak filosofskaja problema [Social media communication as a philosophical problem]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 8(52), 108–112. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-8>
14. Melamed, Y. (2012). Perepostili – sledovatel'no, sushhestvuju. Chto takoe tekst v Fejsbuke [Reposted-therefore, I exist. What is the text on Facebook]. *Logos*, 2, 10–18.
15. Moreno, Ja.L. (2004). *Sociometrija: Jeksperimental'nyj metod i nauka ob obshhestve* [Sociometry: an Experimental method and the science of society]. M.: Akademicheskij Proekt.
16. Nazarchuk, A. V. (2008). Setevoe obshhestvo i ego filosofskoe osmyslenie [Network society and its philosophical understanding]. *Voprosy filosofii*, 7, 61–75.
17. Ostin, D. (1999). *Izbrannoe: kak proizvodit' dejstvie pri pomoshhi slov* [Favorites: how to perform actions using words]. M.: Ideja-Press; Dom intellektual'noj knigi.
18. *Prosolov Mihail Mihajlovich* (2018, March 29). Retrieved April 23, 2020, from <https://www.moypolk.ru/klin/soldiers/prosolov-mihail-mihajlovich>
19. Seleznev, R.S., & Skripak, E.I. (2013). Social'nye seti kak fenomen informacionnogo obshhestva I specifika social'nyh svjazej v ih srede [Social networks as a phenomenon of the information society and the specifics of social relations in their environment]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(54), 125–131.
20. Syrov, V.N. (2019). Kul'turnaja travma i setevoe soobshhestvo: metodologicheskie soobrazhenija [Cultural trauma and the network community: methodological considerations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 446, 76–82. doi: 10.17223/15617793/446/10
21. Verchenov, L.N., Efremenko, D.V., & Tishhenko, V.I. (Eds.). (2013). *Social'nye seti i virtual'nye setevye soobshhestva* [Social networks and virtual network communities]. M.: INION RAN.
22. Zimmel', G. (1996). *Izbrannoe: v 2 t. T. 2. Sozercanie zhizni* [Contemplation of life]. M.: Jurist.